

Некоторые из этих мотивов — видения — проникают в исторические сказания о революционных событиях начала XVII в.¹ и т. д. Эти легендарные мотивы вообще очень характерны для феодальной литературы XVI—XVII вв.

Мы сопоставляем сказания и легенды об иконах с «Повестью о Савве Грудцыне» потому, что в этих произведениях рассматриваемые нами мотивы сложились в более прочную сюжетную схему, чем это можно сказать о произведениях агнографического или исторического жанра. Это сопоставление важно для нас в следующем отношении: благодаря ему «Повесть о Савве Грудцыне» попадает в круг произведений, родственных ей по стилю. В самом деле, обработка старого демонологического сюжета автором последней трети XVII в. казалась бы непонятной, если бы мы ее взяли изолированно, если бы мы не нашли современный ей литературный стиль. Теперь же мы видим, что отмеченные нами особенности «Повести о Савве Грудцыне» являются характерными особенностями стиля древнерусской феодальной литературы, и что больше всего они сконцентрированы в литературе сказаний и легенд об иконах девы Марии, получивших широкое распространение как раз в XVII в., причем эта концентрация была настолько сильной и постоянной, что богородичная легенда приобрела вид своеобразного устойчивого жанра.

В XVII в. в стиле богородичной легенды обработан огромный, и подчас исключительно любопытный, бытовой, исторический, фольклорный, агнографический и демонологический материал.

Старые демонологические сюжеты в этой литературе всегда приводятся к одному и тому же разрешению — освобождению больного от беса благодаря молитве перед образом богородицы так же точно, как и в «Повести о Савве Грудцыне». Нет сомнения, конец «Повести о Савве Грудцыне» написан в стиле богородичных легенд. Отсюда понятен и более широкий вопрос — странный на первый взгляд выбор для темы социального значения старого демонологического сюжета: он был обычен для данного стиля.

Таким образом и здесь «Повесть о Савве Грудцыне» идет по старым тропам: ведь богородичная легенда вся уходит своими корнями в византийскую литературную традицию.

Ряд второстепенных эпизодов и образов «Повести о Савве Грудцыне» точно также восходит к издавна известным в древнерусской литературе

¹ Д. Успенский. Видения смутного времени. См. «Вестник Европы» за 1914 г., кн. 5, стр. 134—171.